

II. УФОЛОГИЯ ИСТОРИИ: АРИИ, ПАССИОНАРИИ, ГИПЕРБОРЕИ...

II.1. История, «достойная нас»

Я жгую ей немедленно самое благородное происхождение, самое чистокровное!

Евг. Шварц. Голый король

С того самого момента, как марксистский взгляд на историю перестал быть обязательным, начался поиск альтернатив. Бывший советский читатель вновь смог ознакомиться с трудами историков-позитивистов, работами О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби. Но одновременно хлынул поток исторических мифов — как извлечённых из забвения, так и новых, «с пылу с жару». Очень часто это — попытки не только взглянуть на прошлое под новым углом, но и переписать даже исторические факты. Больше того, ожили даже старые фальшивки, от «*Протоколов сионских мудрецов*» до «*Велесовой книги*». Порой складывается странное впечатление, будто мир, сознающий свою искусственность, пытается в чём-нибудь укорениться.

Современный горожанин, живущий среди бетона и пластика, лишь с трудом представляет своими предками людей, живших в селе, трудившихся физически, не знавших не только Интернета и мобильной телефонии, но даже телевизора и автомашины. Обычный гражданин пользуется такими благами, ради которых феодалному сеньору приходилось содержать целый штат дворни, и даже такими, о которых этот сеньор мог лишь мечтать, слушая эпические повести. Вместо кучеров и конюших у этого человека автомобиль, вместо курьеров — телефон, вместо поваров — кухонная техника, вместо подвалов для провизии — холодильник и система супермаркетов, вместо стражи у входа — звонок и охранная сигнализация, вместо менестрелей — магнитофон. У него есть даже «серебряное блюдечко с наливным яблочком» (телевизор), он может даже летать — хоть и не на ковре, но всё же на самолёте.

Чего ему недостаёт по сравнению с миром, допустим, рыцарского прошлого? Конечно, чувства власти над своими механическими или электрическими «слугами»: у них нет воли, которую можно было бы победить, чтобы наслаждаться собственной силой. Но главное — чувства собственной значимости и необходимости. Ведь все эти блага созданы не им. Сам он чаще всего выполняет одну из многих общественных функций, но и в ней он — один из миллионов продавцов, или врачей, или электромонтёров, или страховых агентов.

Если бы такую уверенность могло дать место в обществе... Но нет, за последние 500 лет все занятия десакрализованы. Революции покончили с верой в божественную избранность кровной знати, реформации — с верой в роль духовенства как «соли земли», как «избранных», которых «мало» (Матф. 5:13, 20:16, 22:14; Лука 14:24). В XIX веке поэты заняли место пророков, а учёные и инженеры — магов

и чародеев. Но теперь и учёный — массовое занятие, и «простой инженер» с окладом в 120 советских рублей — тема для анекдотов. В наши дни лишается священного ореола даже профессия писателя — она становится такой же обычной работой, как любая другая. Ещё Жюль Верн, А. Н. Толстой, А. Р. Беляев отдавали в руки инженеров будущее человечества. Ещё 50 лет назад, если в Молдавии врач приходил в кино, ему уступали место даже в переполненном зале. Ещё недавно верхом богоборчества было утверждение, что хороший сантехник лучше плохого автора. Теперь же и художник, и автор, и научный работник — всего лишь пролетарий умственного труда (без кавычек), продающий свою рабочую силу за деньги. И «глаголом жечь сердца людей» — уже не призвание Пророка, а проходная роль в гигантском шоу. И даже успех этого шоу зависит не от гениальности автора, а от умения постановщиков. Где же в таком мире опора для чувства личного достоинства?

Трудно убедить себя, что ты — не случайный «жилец белого света», который в любой момент может быть заменён другим таким же. Нужно ощутить, что ты в этом мире важен, что появился ты *откуда-то* и идёшь не просто в толпе со всеми, а *куда-то*. Если философия или религия дают жизни *смысл*, то история — *оправдание*: фактами, в которых был бы виден этот смысл. Но что же завидного мог бы найти для себя такой человек в мире не вымышленного, а реального прошлого?

Мир, где голод и смерть от простуды были повседневным явлением, где даже чистота была роскошью! «Вот типичный пример: в 1820 г. во всем Париже не было и десяти ванн в частных домах (см. Мемуары графини де Буань)» (Ортега-и-Гассет 1989: III, 124). Где в Версале — в самом Версале, при Короле-Солнце! — ещё каких-то триста лет назад в роскошных дворцах не предусмотрели даже туалетов: кавалеры ходили просто в коридор, дамы — под лестницы!²⁵ Где не было даже таких элементарных лекарств, как аспирин, пенициллин, раунатин — вместо этого уринотерапия и «бросание крови»! А то и ещё экзотичнее: «В более важных случаях, как, например, при водянке, желтухе и проч., ели тараканов, мокриц и даже тех паразитов, которые населяют, по преимуществу, головы меньшей братии» (Салтыков-Щедрин, *За рубежом*, IV). Да разве можем мы, такие культурные, быть выходцами из такого мира?!

Всё это выводом бесповоротным
Отныне предоставлено животным,
А жребий человека так высок,
Что должен впредь иметь иной исток.

И.-В. Гёте, Фауст, II, 2, 2. Пер. Б. Л. Пастернака

Мир, радикально порвавший со своим прошлым, теперь нуждается в его суррогате, который в Америке давно уже окрестили *usable past* («удобное прошлое», а в более точном переводе — «потребное», годное к употреблению, прошлое). Естественно, оно должно быть духовным: сфера духа «чище», чем сфера материи, а главное — легче редактируется. Например, современный обыватель предпочитает представлять старый Тибет страной древней мудрости и контактов с божествен-

---

²⁵ Когда вышел фильм П. Джексона «*Две твердыни*» (вторая часть «*Властелина Колец*»), некоторые поклонники Толкиена возмущались: в каком сарае режиссёр заставил жить короля Теодена! Между тем реальные дворцы королей раннего средневековья известны не только по описаниям, но и по данным раскопок. По сравнению с ними жилище Теодена ещё сильно приукрашено — тем более что англосаксонский мир, атмосферу которого воссоздавал Дж. Р. Р. Толкиен, был не самой богатой частью тогдашней Европы.

ным. Ему как-то неохота знать, что в этом самом Тибете ещё в середине 1950-х годов 80% жителей составляли рабы и крепостные (Уиннингтон 1958: 249—250), что численность населения там за последнюю тысячу лет неуклонно уменьшалась — поскольку каждый четвёртый мужчина был монахом (там же: 100—101), что власть церкви была устойчивой лишь в условиях иностранной оккупации, что вшивость была обычным явлением, а в число чудодейственных лекарств входили пилюли из кала далай-ламы (Кычанов, Савицкий 1975: 282—283).

И если счастье всего человечества, предсказанное пророками прогресса, ещё не настало (да оно и невозможно из-за внутренних противоречий такой идеи), то один из его компонентов уже налицо. Уже явились поколения, не желающие знать истину о тех, кто построил для них такой удобный мир, если эта истина будет неэстетичной:

«... и только где-то на вершине исторической жизни появляется, наконец, на истлевших костях всех предшествующих поколений такое поколение счастливцев, которое взберётся на вершину и для которого будет возможна высшая полнота жизни, высшее блаженство и совершенство. Все поколения являются лишь средством для осуществления этой блаженной жизни, этого счастливого поколения избранных, которое должно явиться в каком-то неведомом и чуждом для нас грядущем <...>. Идея прогресса XIX века допускает на этот мессианский пир лишь неведомое поколение счастливцев, которое является вампиром по отношению ко всем предшествующим поколениям. Тот пир, который эти грядущие счастливыцы устроят на могилах предков, забыв об их трагической судьбе, вряд ли может вызвать с нашей стороны энтузиазм к религии прогресса — энтузиазм этот был бы изменным» (Бердяев 1990: 147—148).

Современный обыватель живёт в приглаженном, рафинированном мире, часто даже не задумываясь о тех, кому он обязан всеми этими удобствами. И прошлое ему нужно такое же: рафинированное, тщательно обеззараженное, в эстетичной упаковке, со спецэффектами от лучших голливудских режиссёров, с инструкцией по применению (включая «защиту от дурака»). Утончённое, но не уточнённое (уточнение может открыть глаза на неприятные факты). Одним словом, «годное к употреблению» (*usable*).

Но научная история не даёт такую картину прошлого: ведь эта старомодная тётушка до сих пор пытается, по завету старика Л. фон Ранке, восстанавливать прошлое, «wie es eigentlich gewesen war» (как оно было на самом деле). Но именно «eigentlich» и не подходит современному потребителю. Значит, нужна «альтернативная история», то есть — ретроутопия в той или иной форме.

Сколько бы ни критиковали формулу Ранке, сколько бы ни рассуждали о недостижимости абсолютной истины, остаётся аксиомой: «Если вы не ищете истину, то вы не занимаетесь наукой» (Ф. Спир). Однако, как замечает Л. Бояя,

«их [историков] влияние не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Исторический роман или фильм оказывается более влиятельным. Школьный учебник воздействует на несравненно более многочисленную публику, чем историографический шедевр, предназначенный для элиты. Устойчивость историков к мифологии также не должна преувеличиваться. Историк не может избежать (во всяком случае, до конца) влияния “исторической среды”, в которой работает, с её основой из традиций, предрассудков и принуждений, которые на него влияют. Он питается двойственной мифологией и, в свою очередь, является

производителем мифологии. Таким образом, на всех уровнях существует неизбежный процесс *мифологизации истории*» (Voia 1997: 7).

Уже много позже, чем были написаны эти строки, автор вновь перечитал Ф. Ницше (*О пользе и вреде истории для жизни*, 3) и обнаружил там практически ту же мысль. Рассуждая о «критической истории» (суде потомков), Ницше приходит к неожиданному выводу, смысл которого не всегда замечается:

«Но это всегда очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т. е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи. Если даже мы осуждаем эти заблуждения и считаем себя от них свободными, то тем самым не устраняется факт, что мы связаны с ними нашим происхождением. В лучшем случае мы приходим к конфликту между унаследованными нами, приращёнными нам свойствами и нашим познанием, может быть, к борьбе между новой, суровой дисциплиной и усвоенным воспитанием и врождёнными навыками, мы стараемся вырастить в себе известную новую привычку, новый инстинкт, вторую натуру, чтобы таким образом искоренить первую натуру. *Это как бы попытка создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно исходим*, — попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого и так как вторая натура по большей части слабее первой» (Ницше 1998: I, 180; выделено мной — Л. М.).

II.2. Парад «историй»

Я же тебе говорил, Всеобщую историю отрегулируют, очистят, выправят, усовершенствуют в согласии с принципами гуманизма, рационализма и всеобщей эстетики; сам, наверное, понимаешь, что, когда в родословной этакая бойня да резня, совестно лезть в компанию высоких космических цивилизаций!

С. Лем. *Звёздные дневники Ийона Тихого. Путешествие*
20

Среди самых последних случаев такого рода — экзотическая концепция А. Т. Фоменко и его соратников — М. М. Постникова, Г. В. Носовского и др.: история-де насчитывает всего 800 лет, всё остальное — результат злонамеренной фабрикации. При этом теория внешне весьма патриотична: и пирамиды-то построены «русско-монгольской ордой», и древний Рим — на самом деле Московская Русь в другом описании. В основе этого пересмотра истории лежат идеи народника Н. А. Морозова, который разрабатывал их во время 20-летнего заключения в Шлиссельбурге — не имея ни литературы под руками (тем более новой), ни возможности нормального научного обсуждения (см.: Новиков 1997; Шмидт 2003). Говорят, что Л. Н. Гумилёв, ознакомившись с трудами А. Т. Фоменко, определил его как яркого представителя антисистемы. Что это значит в устах Л. Н. Гумилёва, увидим позже.

Не менее яркий и плодовитый автор — американец Захария Ситчин (1998 {1976}). В результате многолетних исследований он «установил», что шумерские города были основаны несколько *сот тысяч* лет назад «Нефилимами» (Быт. 6:4, в Синодальном переводе «исполины») — пришельцами с 12-й планеты Солнечной